



(КОГДА ОНИ РАЗБРОСАЛИ КОРЗИНУ С КОНСТРУКТОРОМ, Я РАЗБРОСАЛА ОСТАВШИЕСЯ ДВЕ)

ЭТО трудно сказать, но с приближением Нового года мне стало трудно испытывать к своим детям чувства. Те самые, что согревают, умиляют, обволакивают. Их нет. Я испытываю раздражение. С каждым днем — все острее. Накануне праздника, в дни, когда мы запланировали мастерить из папье-маше игрушки на елку и звездочки из высушенных долек апельсина, мы с детьми перешли в перманентный конфликт.

— Они у вас очень дружные, — сообщила мне педагог на детских занятиях, которые мы посещаем несколько раз в неделю.

Да, они дружные. Но теперь эта дружба направлена против. В данном случае против меня. Они перестали меня слышать. Собираясь на прогулку, они ложатся на пол и отказываются надевать комбинезоны и варежки. Усаживаясь за стол, они размешивают суп с такой скоростью, что через секунду весь он оказывается на их одежде. Они стоят на голове и катаются по квартире на самокате с невообразимо бешеной скоростью.

Я, кажется, знаю причину. Когда мы перебрались из загорода в Москву, чтобы проводить с детьми больше времени, у них стало значительно меньше возможностей для того, чтобы капризничать, не слушаться, баловаться и бунтовать. Потому что мне хотелось не просто проводить с детьми время, а организовывать его: мы рисуем или лепим, читаем, разучиваем буквы и цифры, а на прогулке повторяем стихи и обсуждаем все примечательности. Я работаю матерью до их обеда, а иногда успеваю читать

им книжку перед сном. Когда меня нет, начинается нянина смена.

Между тем, как они ведут себя с няней и как со мной, есть огромная разница. Когда я захожу в комнату, Федя моментально выпрямляет спину, укладывает кисточку или ложку в правильное положение и перестает кривляться. Но первые несколько часов субботнего утра, когда няня отправляется на выходные, между мной и детьми происходит перенастройка.

— Дай воды, — требует Варя.

— Я хочу сока, — констатирует Федя.

Ни тот ни другой не имеют шансов получить желаемое, пока не выстроят свои просьбы в человеческое предложение: «Мама, дай мне, пожалуйста, воды».

А в понедельник — еще одна перенастройка. Они испытывают на стойкость няню. Федя, например, не любит надевать носки. Так, чтобы пятка оказалась на месте пятки, а не где-нибудь еще. Он знает, как правильно. Но ему бывает лень. В минувший понедельник он плакал по этому поводу около часа. Я запретила няне помогать ему, пока он не попросит об этом, как должно. Но он не просил. Каша в тарелке остывала. На завтрак он опоздал. Узнав от меня об этом, заплакал снова. Что, в свою очередь, помешало ему вовремя собраться в детский клуб. В итоге он опоздал и туда.

С каждым днем у детей появляется больше и больше всяких «нужно». Нужно правильно держать ложку. Ровно держать спину. Не показывать пальцем. Пользоваться ножом. Не ходить босиком. Убирать за собой

пижаму и игрушки. И еще с десяток всего.

— Мама, давай посмотрим мультфильм про бабадура! — попросили они меня.

— Про кого?

— Про бабадура и прекрасную принцессу.

Они еще полчаса учились выговаривать слово «Трубадур» и только после того, как оба произнесли его безошибочно, я нажала на «play».

— Шотландской пляскою старинной всех покорили бабуины, — я читала им книжку, которую они знают почти наизусть.

— Всех покорили гугуины, — повторял Федя.

Перестав читать, мы повторяли слово «бабуины» до тех пор, пока Федя не смог выговорить его свободно.

Я ничего не могла с собой поделать. Напряжение между мной и детьми возрастало. Мне иногда казалось, что из помещения, где мы находимся, кто-то выкачивает воздух. Нечем дышать и нечем чувствовать.

И я — сдалась. У меня больше просто сил не было. Воскресным утром я перестала что-либо требовать от детей. Более того, я перестала требовать и от себя. Я не стала заправлять кровати — они остались разобранными. Класть на место их пижамы — они валялись на полу. Чистить им зубы. Промывать носы. Кормить завтраком. Читать книжки. Проводить урок творчества. Учить алфавит. Я даже не стала клеить снежинку и печь рождественское имбирное печенье, приготовление которого было намечено на тот день. Когда они разбросали корзину

с конструктором, я разбросала оставшиеся две. В какой-то момент мне это даже понравилось.

Около трех часов дети воодушевленно поддерживали этот бардак. Они довели его до совершенства. Квартира напоминала худшую из декораций к фильму «Один дома». Все валялось на полу, и дети в конце концов валялись на полу тоже.

Первым очнулся Федя.

— Мама! Мама!

Он потерял меня. Лежа на полу, я читала книгу. Бардак был значительно выше меня. И сын меня не сразу заметил.

— Мама! Ты слышишь? Ма-ма! — он подошел, и я увидела на его лице отчаяние.

— А если к нам сейчас придет Дед Мороз? Он не сможет найти нас и уйдет, не оставив подарков.

— Ну и что? — я старалась быть равнодушной.

— Просто я его жду. И вообще-то мы еще не умывались, не завтракали и не рисовали елку. Мама! Ма-ма, вставай!

— Поторопись, мама! Я считаю до десяти, — к нашему разговору с Федей присоединилась Варя. — Раз, два...

Она проговаривала цифры нарастающим, очень медленно.

— Мам, сейчас уже будет десять, и ты ничего не успеешь. Я не пущу тебя на работу и лишу завтрака, — дочь была настроена решительно.

— А кто же будет печь с нами рождественское печенье? — Федя крепко обнял меня.

Мне пришлось стать послушной. Ведь нам столько всего надо было успеть.